

Кадр из фильма «Римский-Корсаков»

хрустальный поток прозрачных звуков, кажется, непроизвольно рождается сейчас, здесь, в душе Снегурочки — душе, которая смотрит и светится из этих вопрошающих и молящих глаз.

А вот Забела — Гриценко поет последнюю арию Снегурочки.

...Люблю и таю
От сладких чувств любви.

Снегурочка умирает, но в ней нет предсмертной тоски и отчаяния. В сцене с цветком, покинутая Лелем, она вся дрожала от обиды и горя, словно от холода. Теперь она полна упоительного ощущения тепла и счастья. Она как будто бы вбирает, впитывает солнечные лучи, они пронизывают все ее существо. Гриценко не играет смерти Снегурочки, печали ее таяния, нет, она прежде всего передает ощущение нарастающего, охватывающего Снегурочку блаженного тепла, счастья, истомы. И поэтому кажется, что она не погибнет, а будет жить, потечет смеющимся на солнце, чистым, весенним ручейком, поднимется, как легкий, струящийся пар, над согретой солнцем весенней землей...

В роли Забелы у Гриценко есть и еще немало интересных, талантливых кадров.

Вот она на представлении «Садко» поет:

Поймаешь рыбок золотых,
Богат ты будешь и счастлив,
Объедешь синие моря,
Увидишь дальние края...

Забела поет, стоя за кулисами, на сцену доносится только голос Волховы, якобы со дна морского. Но Забела — Гриценко поет это с громад-